

Научная статья

УДК 130.2

doi: 10.47475/1994-2796-2023-477-7-13-20

ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ СЛОМЫ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ ПОЛИТИКИ

Вера Анатольевна Жилина

Магнитогорский государственный технический университет имени Г. И. Носова, Магнитогорск, Россия,
vera-zhilina@yandex.ru, ORCID 0000-0003-2954-109X

Аннотация. Статья посвящена проблеме современного состояния политической философии. Обосновано, что деструктивные выводы в теории относительно статуса и сути современной политической сферы детерминированы трансформациями в области социального бытия. Данная статья исходит из предположения, что глубинные онтологические основания находятся в сути актуальных общественных отношений. Отсюда роль современной политики не может быть сведена к инструментарию социальных игр. В сравнительном анализе достижений современной социологической мысли, исследующей специфику коммуникативного общества, и выводов политической философии в области социальной методологии раскрыты основные тенденции трансформации политической сферы. Предпринята попытка критики концепции философии свалки, которая провоцирует признание политики политикой нигилизма. Прослежены варианты современных классификаций уровней политики. Раскрыта суть онтологических оснований «смерти» политической философии. Показано, что определённое принижение статуса политики и попытки заменить её управленческие функции, например, системой эмоционального интеллекта переводит политику в статус симулякра. В этом контексте предпринята попытка возвращения традиционного рассмотрения политики в диалектике частного и общественного. Доказательно определены риски социальной неопределённости политики. Особое внимание в данном анализе уделено влиянию трансформаций современного человека на состояние политической сферы. Специально прослежена эволюция нигилизма и определены риски замены традиционных идеологических оболочек политики данной социальной тенденцией. Затронуты аспекты взаимодействия политики со сферой свободы и раскрыта значимость влияния политики на области социального бытия. В частности, прослежена взаимосвязь политики и трансформаций экономической сферы общества.

Ключевые слова: человек, политика, культура, симулякр, социум, нигилизм, реальность

Для цитирования: Жилина В. А. Онтологические сломы современной философии политики // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 7 (477). С. 13–20. doi: 10.47475/1994-2796-2023-477-7-13-20.

Original article

ONTOLOGICAL BREAKS OF THE MODERN PHILOSOPHY OF POLITICS

Vera A. Zhilina

Nosov Magnitogorsk State Technical University, Magnitogorsk, Russia, vera-zhilina@yandex.ru, ORCID 0000-0003-2954-109X

Abstract. The article is devoted to the problem of the current state of political philosophy. It is proved that destructive conclusions in theory regarding the status and essence of the modern political sphere are determined by transformations in the field of social existence. This article proceeds from the assumption that the deep ontological foundations are in the essence of actual social relations. Hence, the role of modern politics cannot be reduced to the tools of social games. In a comparative analysis of the achievements of modern sociological thought, exploring the specifics of a communicative society, and the conclusions of political philosophy in the field of social methodology, the main trends in the transformation of the political sphere are revealed. An attempt is made to criticize the concept of landfill philosophy, which provokes the recognition of politics as a policy of nihilism. Variants of modern classifications of policy levels are traced. The essence of the ontological foundations of the «death» of political philosophy is revealed. It is shown that a certain belittling of the status of politics and attempts to replace its managerial

functions, for example, with an emotional intelligence system, translates politics into the status of a simulacrum. In this context, an attempt is made to return the traditional consideration of politics in the dialectic of private and public. The risks of social uncertainty of the policy are evidently determined. Special attention in this analysis is paid to the influence of transformations of modern man on the state of the political sphere. The evolution of nihilism has been specially traced and the risks of replacing the traditional ideological shells of politics with this social trend have been identified. The aspects of the interaction of politics with the sphere of freedom are touched upon and the significance of the influence of politics on the areas of social existence is revealed. In particular, the interrelation of politics and transformations of the economic sphere of society is traced.

Keywords: man, politics, culture, simulacrum, society, nihilism, reality

For citation: Zhilina VA. Ontological breaks of the modern philosophy of politics. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;(7(477)):13-20. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2023-477-7-13-20.

Введение

Человечество в силу специфики самого человека всегда ориентировано на поиск некоторого устойчивого основания, которое должно претендовать на некий гарант существования и одновременно снимать груз ответственности за состояние настоящего в социуме. Отсюда в социальном развитии исторически складываются стереотипы в отношении некоторых сфер культуры, якобы способных демаркировать позитив и негатив и снижать действие рисков. В частности, таким инструментарием фактически всю цивилизованную стадию развития истории становится политика. Однако в современных условиях социальная практика часто демонстрирует деструктивные последствия развития политической сферы, а в теории, в том числе в философских исследованиях, появляются утверждения о «смерти политической философии» [17]. Это актуализирует анализ как самой политики, так и теоретических рефлексий в её исследовании.

Одним из факторов, усложняющих философский анализ политики, сегодня является расширение сферы власти. Например, власть информации не ограничена в современных условиях собственно информационной сферой, а распространяется на сугубо социальные проблемы, такие как геномная инженерия или цифровизация. При этом институционализированный политический контроль (например, в форме государства) повлиять на эту власть информации не в состоянии. О своеобразном разрыве власти и политики свидетельствует и неэффективность традиционных политических институтов. В частности, всё чаще возникают сомнения в целесообразности ООН, чья ориентация на базис суверенных государств как объективацию политики приводит к неспособности дать реальное решение проблем.

Актуализирует проблему исследования политики и конфликтное состояние системы ценностей современного общества. Как справедли-

во отмечают многие исследователи, политика не в состоянии справиться с плюрализмом и постоянной изменчивостью ценностей. Неустойчивость настоящего рождает страх будущего, что, в свою очередь, начинает формировать деструктивные стратегии поведения человека. Следствием становится конфликтное противостояние политики и морали, что в условиях сложных трансформаций экономической сферы общества зачастую формирует устойчивое состояние аномии. Политика как самостоятельный феномен становится социально неопределённой, что усугубляется кризисным состоянием её привычных идеологических оболочек.

Сложность социальной практики рождает сложности в теории. Помимо терминологической подмены, когда философия политики и политическая философия фактически становятся тождественными, нарастает тенденция субъективизма в определении сущности современной политической сферы. Влияние постмодернизма в тезисе отрицания целостности истории выводит политику из факторов, определяющих нашу жизнь. Сохранение её статуса в сфере социальности происходит за счёт демаркации в качестве симулякра. Современное общество трактуется как непреходящий плюрализм идей, доктрин, и среди них растворён политический плюрализм. Политике устойчиво приписывают роль случайного фактора в социальных взаимодействиях. Безусловно, данная ситуация требует серьёзного философского анализа появления и распространения таких выводов, так как в случае именно политической сферы обратное влияние теории на социальную практику очень велико. О серьёзности положения свидетельствует глубокий социальный кризис, вызванный фактическим крахом мифа идеи глобализации. В попытках вернуть стабильность в социальное существование начинают формироваться новые мифы, в которых роль политики якобы состоит в сглаживании «произвольного»

(случайного) неравенства и в разработке моделей компенсации фактора удачи.

Методы и материалы

Политическая сфера всегда привлекает к себе внимание со стороны учёных и философов. Многообразие теоретической области исследований с необходимостью требует учёта структурно-генетического подхода к исследованию политики. В рамках данной темы анализа такой подход позволяет синтезировать в единые тезисы достижения как социально-гуманитарных наук, так и философских школ. Определёнными точками бифуркации в привлечении синергетического подхода определены структурные изменения в экономической сфере социума и в экзистенции современного человека. Оба подхода использованы в рамках действия принципа единства исторического и логического. В определении онтологических причин рисков отрицания статуса политики в структурах социального бытия принципы диалектики позволяют критически проанализировать методологические наработки современной социологии и постмодернистской философии в области исследования политики.

Данное исследование опирается на работы современных исследователей особенностей состояния социума в условиях нарастания роли информации и информационных потоков. В частности, прослежены причины изменения статуса политики в условиях «расширения» человека с опорой на труды Кастельса и Маклюэна [5; 7]. В исследовании феномена политики нигилизма дан критический анализ «философии свалки» М. Майдера [6]. В преодолении онтологических деструкций в толковании сути политики как автономного феномена прослежено влияние методологических установок постмодернизма на примере работ Флойда [15]. Проанализированы концепции «смерти» политической философии Мендуса [17] в раскрытии рисков своеобразного социального анархизма Баумана [1]. Особое внимание уделено концепциям соотношения частного и публичного в политике в обращении к трудам Бурдье [2], Симпсона [18] и Кестлера [16]. В традиционном анализе политики данная работа опирается на труды Ницше [9], Фромма [11], на принципы марксистского исследования роли надстройки [8].

Результаты и обсуждение

Философия политики в тисках нигилизма.

Философское размышление над общими процессами направленности исторического процесса

всегда отлично целостностью, а значит, сохранностью в этих процессах человеческого фактора. Отсюда со времён Платона в анализе политики в философии всегда присутствует человек. Более того, в зависимости от стремлений человека актуального среза социума, его мировосприятия в философском знании трансформируются онтологические основания политической сферы. Поэтому многие современные особенности политики для политической философии не являются открытием, а становятся продолжением философской рефлексии. Так, нарастание деструктивных тенденций в развитии политики политическая философия по праву связывает в том числе с разрастанием нигилистических тенденций в культуре. Но эта рациональная логика сталкивается с особенностями исторического контекста. Так, в наше время мир симулякров не пускает в область реального. К сожалению, в сегодняшних реалиях нигилизм низводится до уровня простых оценочных суждений и в этой форме может быть охарактеризован как одно из проявлений мазохистского бегства от собственной свободы [11], когда «мышление свалки» фактически заменяет собой «мышление политики» [6].

В интервью в 2022 г. М. Мардер, автор книги «Философия опустошения: феноменология опустошения», убедительно заявил, что в настоящем исчезли границы между областями бытия, мир растворён в гигантской свалке, и ни философия, ни искусство не являются исключениями [6]. Отсюда логичен последующий вывод: нет мышления вне свалки, и всякое познание — это познание свалки [6]. Однако логика философии достаточно жёсткая: но в этом случае сама «философия свалки» есть просто свалка, поэтому сразу делается ещё одно допущение: «всё мышление затрагивает свалку, не всякое мышление — свалка». По мнению автора, именно такой островок критического мышления должен помочь человеку внедриться в самые глубины свалки, чтобы попытаться преодолеть эпоху антропоцена [6]. И так как свалка разрастается универсально, когда промышленное загрязнение сеет хаос в области смыслов и загрязняет мир информации [6], то и политика современности должна стать политикой нигилизма, политикой, для которой ничто не имеет значения. Безусловно, такое принятие ситуации несёт в себе исключительно деструкцию, и, следовательно, значимость политической философии будет в том, чтобы определить степень реальности такой трансформации. Для этого необходимо проанализировать реальность

эволюции нигилизма в потенциальном принятии позиции свалки.

Традиции философии убеждают, что реальный нигилизм формируется тогда, когда высшие ценности обесценивают сами себя и, соответственно, у человека обесценивается цель его деятельности [9]. Классическая метафизика фактором, усиливающим такое унижение человека, отмечает науку, деструктивная функция которой и стоит в центре политики. В социальной практике это означает, что политика ориентирована на стимуляцию экономической активности, рост прибыли и ВВП, а роль человека низведена до процесса потребления. Развитие капиталистического строя оправдывает эти прогнозы достаточно быстро. Далее философия констатирует, что в XX в. царство науки сменяется царством информации [7], а политика направлена на поощрение подавления человека её потоками. Социальная практика опять подтверждает эти прогнозы философии. В частности, в культуре сегодня, например, видимо вытесняется феномен невежества новым феноменом «достаточного» знания: знания, достаточного для того, чтобы не хотеть знать больше [3; 14]. Деструктивное снятие культуры действительно меняет человека, что не может не менять суть общественных отношений, и в ответе на такой социальный запрос политика может выбрать нигилизм в качестве замены устаревших идеологических клише. Тем более, что на поверхности нигилизм выглядит бунтарски [15], претендуя на абсолютизацию ценности индивидуальности каждого. Политическая философия намеренно «забывает» о принципиальной разнице индивидуальности (способна увести человека в крайние формы отчуждения) и уникальности в области социального бытия. В отношении самой политики принятие нигилизма в качестве некоторой универсальной формы принципиально меняет её суть. Политика остаётся вне идеалов (следовательно, в политических целях не может быть ценности), вне институтов (государство или правительственные структуры лишаются автономности). Политическая философия даже претендует на особую методологию политики, построенной на том, что политика — это ответ на вопрос о том, как нам жить [15]. На питательной почве страха перед манипуляциями в цифровом социальном пространстве такая ситуация формирует у современного человека агрессивное неприятие политики как реалии его повседневной жизни.

Онтологические корни сложившейся ситуации в следующем. Нигилизм питается объекти-

вацией собственных негативов [9] — это мёртвые ценности, которые не только отворачивают человека от жизни в настоящем, но и убивают культуру. Эпоха антропоцена в этом аспекте есть продолжение такой объективации, где ценность просто сменена антиценностью, но в том же статусе. Однако в онтологическом измерении здесь нет преемственности, так как нарушен уровень онтического. Антиценность (свалка) — это лишь интерпретация традиционной ценности (трансцендентный мир). И, следовательно, это симулякр. В постмодернизме переинтерпретация есть способ изменения мира, но социальная практика ближе к марксистскому тезису: от интерпретации необходимо идти к изменению [8]. Жонглировать симулякрами спекулятивно интересно. Но не более. И, следовательно, политика нигилизма займёт нишу в новых формах антиутопии, возможно, и в мире свалки.

Спорным является и аргумент принижения действия политики. Построен он на том, что информационное воплощение культуры повседневности нарушает институциональные связи общества и социальность более не воплощается в каком-либо политическом органе. Тем самым социальность противопоставлена экзистенциальным отношениям. На место политической реальности приходит экзистенциальная утопия [6]. Простое приближение к философскому анализу вскрывает несостоятельность вывода, так как в любых интерпретациях экзистенция невозможна без социального, но последнее действительно может пониматься по-разному. Глубокое погружение в философскую рефлексию обнаруживает игры мысли постмодерна, построенных на отрицании метафизики (онтологии), но силами самой онтологии. Сам тезис о том, что информация сбивает всё на своём пути, напротив, утверждает триумф социального и политики в частности. Даже в допущении, что информация не информирует, а просто обрабатывается аналитиками, уже проглядывает политический аспект управления стремлениями человека. Другое дело, что политика получает дополнительный плацдарм действия — ей становится подвластным моделирование целей коллективных действий. Актуальный срез общественных отношений, особенно в сфере геополитики, доказательно подтверждает факт такого расширения. Современная политическая философия причины этого усматривает в трансформированном соотношении частного и общественного в социальных отношениях.

Философия политики в поле социальной неопределённости. Тезис о размывании границ сфер бытия, принимаемый современной политической философией, формируется в сложном онтологическом срезе. Сам XXI век в социальном аспекте, напротив, видимо фрагментирует отдельные сферы жизни: от нарастающей дифференциации и усложнения экономического сектора до фрагментации человеческого существования. Эти процессы не столько стирают границы, сколько разрушают привычные культурные скрепы. В отношении политики, например, очевидна тенденция увлечения хозяйственными процессами при игнорировании целостности сферы экономики. В результате декларируемое ею поле собственной деятельности — «индивидуализированное» общество — на деле становится курсом на снижение значимости социального начала. И, значит, разрушение системы ценностей и нарастание, например, антигуманности — это следствие, а не причина. Соответственно, через реконструкцию иерархии ценностной пирамиды культуры или через моделирование нового ценностного основания ситуацию изменить нельзя. Это во многом объясняет некоторую социальную неопределённость самой политики. В частности, современная политическая философия отмечает некий «паралич» политической власти, вызванный тем, что многие привычные социальные процессы попросту не поддаются контролю в традиционном управлении.

Вслед за социологией современная политическая философия видит кризисное состояние политики в трансформациях экономической сферы. В частности, опирается на то, что «символический» капитал на место привычных экономических маркеров ставит некие личностные качества [2]. Парадоксальным образом в современном обществе политика превращается в некий кредит по правилам политической бухгалтерии [2. С. 102]. Одновременно превращение политики в блеф провоцирует деструктивные стратегии поведения человека. Но самый большой риск для политической философии здесь проявляется в утрате политикой прогностической функции, так как неподконтрольное состояние в настоящем не позволяет выходить в потенциальное будущее. В этом случае нужно признать углубляющийся кризис в состоянии политической сферы. В целях спасения политики предлагается демаркация в обществе «разумных стратегий» (политика) от экономической и социальной сфер [1]. В конкретизации такого подхода предпринимает-

ся попытка классифицировать саму сферу политики. В частности, выделяются следующие уровни современной политики: житейская [1. С. 197], традиционная политика власти (правительства) [1. С. 67], политика «с большой буквы» [1. С. 173]. И такое деление вряд ли действительно способно реабилитировать роль политики. Более того, именно в этих теоретических тезисах рождается главенствующий принцип современной политической философии: политика теперь базируется в корнях социальной неопределённости.

В онтологическом срезе следует констатировать, что так определяемый статус политики является следствием развития такого симулякра, как глобализация. Изначально глобализация мыслится не как нарастание универсализации, а как конфликтное разрешение индивидуализации, вследствие которого субъект попросту исчезает. Последнее явлено в том, что человек фактически якобы полностью утрачивает контроль над процессами и событиями, в которые вовлечён. Следует отметить, что сегодня исходный симулякр — глобализация постепенно сдает позиции, что отражается, например, в теоретических исследованиях самоидентификации современного человека [4]. Но в политических рефлексиях признание размывания поля социального бытия до сих пор формирует целую систему рисков в отношении статуса политики. С одной стороны, политика становится свободной от ответственности и рассматривается как вынужденная мера социальности в войне с неконтролируемой «символической» экономической реальностью. С другой, собственно «великая» политика скатывается в область абсолютного субъективного воления. Постмодернизм может торжествовать в своих футуристических прогнозах: субъект более не способен собрать воедино фрагменты собственной жизни. На место времени политика ставит ценность мгновения, а в общей социальности политика якобы уступает место страху. Стабильность (тождественна признанию существующего) базируется на признании того, что безопасность невозможна без зависимости.

Выводы

В анализе трансформированной социальности современная политическая философия исследует политику в системе всех общественных отношений, но акцент по преимуществу переносится в сферу рефлексии политики общественным и индивидуализированным сознанием человека [13]. Роль современной политики в структурах

социума рассматривается в логике массовизации феноменов культуры вследствие постоянной ориентации на расширение сферы материальных благ. В результате политика начинает рассматриваться либо в сфере нигилизма, либо в качестве некоторого вспомогательного механизма противостояния неконтролируемым социальным стихиям. Это существенно трансформирует статус политики в культуре. Если традиционно политические игры рассматривались как детерминанты социального развития, то сегодня политика даже не участвует в определении правил социальных игр, становясь лишь инструментарием реализации таких правил. Следует отметить, что интегрированность информационных потоков оказывает влияние и на состояние философского анализа. В частности, помимо сугубо социальных последствий таких теоретических тезисов в отношении политической сферы они продуцируют, с одной стороны, появление попыток своеобразной подмены политики процессами мотивации через когнитивные операции [16], а с другой — способны укреплять пересмотр классических онтологий, например, в области онтологии сознания [10].

С точки зрения онтологического анализа такое состояние политической философии детерминировано сложным социальным процессом, когда власть и политика фактически разорваны. Политика, которая со времён Платона и Аристотеля мыслилась в диалектическом противоречии общественного и частного, сегодня метафизически, часто волонтивно закрепляется либо в частном, либо в общественном. В угоду меняющемуся ходу социального времени власть представляется

временной, изменчивой, тогда как институты политики мыслятся полностью стабильными и неизменными [5]. Отождествление власти с медиа позволяет «опустошить» политику изнутри: она выступает средством привлечения общественного внимания. Фактически политическая философия начинает оправдывать низведение политики до социального скандала. И если Фуко при всём своём «бунте» против традиционного отождествления политики и государства настаивает на автономности политики, хотя бы в стремлении исключительно укреплять и усиливать саму себя вне субъектов управления [12], то сегодня политическая философия в шаге от признания возможности замены политики, например, системой эмоционального интеллекта.

Заключение

Таким образом, анализ исследований в области политической философии убедительно показывает, что социальные трансформации настоятельно требуют разработки нового онтологического основания политики как самостоятельного феномена общественного сознания и института культуры. Изменение экономической сферы снижает эффективность традиционного исследования политики в явлениях надстройки. Но и предложенные варианты в рамках постмодернистских подходов не уменьшают область рисков, в том числе и в социальной практике. Представляется, что в условиях нарастания коммуникаций и возрастания роли информации политика с необходимостью должна рассматриваться в сфере новых форм диалога [18].

Список источников

1. Бауман З. Индивидуализированное общество / пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М. : Логос, 2005. 390 с.
2. Бурдые П. Практический смысл. СПб. : Алетейя, 2001. 562 с.
3. Жилина В. А. Социотехническая системность и универсальность современной инженерии: Homo Technology // Вестник Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова. 2023. Т. 21, № 1. С. 109–117.
4. Жилина В. А., Жилина Е. А. Самозамкнутость идентификации современного человека // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 10 (468). С. 24–30.
5. Кастельс М. Власть коммуникации. М. : ВШЭ, 2020.
6. Левин С. К. Интервью с Майклом Мардером автором книги «Философия свалки: феноменология опустошения» // Экопоэзис: экогуманитарные теория и практика. 2022. Т. 3, № 1 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/intervyu-s-mayklom-mardrom-avtorom-knigi-filosofiya-svalki-fenomenologiya-opustosheniya> (дата обращения 01.09.2023).
7. Маклюен М. Понимание медиа: внешние расширения человека. М. : Кучково поле, 2003. 464 с.
8. Маркс К., Энгельс Ф. Тезисы о Фейербахе // Соч. 2-е изд. М. : Изд-во полит. лит., 1955. Т. 3. С. 17–22.

9. Ницше Ф. Воля к власти. М. : Азбука, 2021. 448 с.
10. Серл Дж. Открывая сознание заново. М. : Идея-Пресс, 2001. 141 с.
11. Фромм Э. Бегство от свободы. М. : АСТ, 2017. 288 с.
12. Фуко М. Интеллектуалы и власть. Избранные политические статьи, выступления и интервью. М. : Праксис, 2002. 384 с.
13. Blok V. Politics versus Economics Philosophical Reflections on the Nature of Corporate Governance // *Philosophy of Management*. 2020. № 19. P. 69–87. <https://doi.org/10.1007/s40926-019-00118-9>.
14. Gare A. The Philosophy of Anti-Dumping as the Affirmation of Life // *Biosemiotics*. 2023. <https://doi.org/10.1007/s12304-023-09537-8>.
15. Floyd J. Political Philosophy's Methodological Moment and the Rise of Public Political Philosophy // *Society*. 2022. № 59. P. 129–139. <https://doi.org/10.1007/s12115-022-00710-2>.
16. Kestler T. The Motivational Power of Ideas in Institutions and Collective Action // *Human Studies*. 2023. № 46. P. 59–78. <https://doi.org/10.1007/s10746-023-09661-x>.
17. Mendus S. Contingency in Political Philosophy // *Philosophia*. 2017. № 45. P. 477–486. <https://doi.org/10.1007/s11406-016-9802-z>.
18. Simpson E. Practical Reasonableness: Some Epistemic Issues // *The Journal of Value Inquiry*. 2013. № 47. P. 135–145. <https://doi.org/10.1007/s10790-013-9367-z>.

References

1. Bauman Z. Individualizirovannoe obshchestvo. Moscow, Logos Publ.; 2005. 390 p. (In Russ.).
2. Burd'e P. Prakticheskij smysl. St. Petersburg, Aletejya Publ.; 2001. 562 p. (In Russ.).
3. Zhilina VA. Sociotekhnicheskaya sistemnost' i universal'nost' sovremennoj inzhenerii: Homo Technology. *Vestnik Magnitogorskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta imeni GI Nosova*. 2023;21(1):109-117. (In Russ.).
4. Zhilina VA, Zhilina EA. Samozamknutost' identifikacii sovremennogo cheloveka. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2022;(10(468):24-30. (In Russ.).
5. Kastel's M. Vlast' kommunikacii. Moscow, 2020. (In Russ.).
6. Levin SK. Interv'y u s Majklom Marderom avtorom knigi "Filosofiya svalki: fenomenologiya opustosheniya". *E'kopoe'zis: e'kogumanitarny'e teoriya i praktika*. 2022;3(1). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/intervyu-s-mayklom-marderom-avtorom-knigi-filosofiya-svalki-fenomenologiya-opustosheniya> (In Russ.).
7. Maklyuen M. Ponimanie media: vneshnie rasshireniya cheloveka. Moscow, Kuchkovo pole Publ.; 2003. 464 p. (In Russ.).
8. Marks K., Engels F. Tezisy o Fejrbaxe. In: Collection works. 2nd ed. Moscow; 1955. Vol. 3. Pp. 17–22. (In Russ.).
9. Niczsche F. Volya k vlasti. Moscow, Azbuka Publ.; 2021. 448 p. (In Russ.).
10. Serl Dzh. Otkryvaya soznanie zanovo. Moscow, Ideya-Press Publ.; 2001. 141 p. (In Russ.).
11. Fromm E. Begstvo ot svobody. Moscow, AST Publ.; 2017. 288 p. (In Russ.).
12. Fuko M. Intellektualy i vlast'. Izbrannye politicheskie stat'i, vystupleniya i interv'yu. Moscow, Praksis Publ.; 2002. 384 p. (In Russ.).
13. Blok V. Politics versus Economics Philosophical Reflections on the Nature of Corporate Governance. *Philosophy of Management*. 2020;(19):69-87. <https://doi.org/10.1007/s40926-019-00118-9>.
14. Gare A. The Philosophy of Anti-Dumping as the Affirmation of Life. *Biosemiotics*. 2023. <https://doi.org/10.1007/s12304-023-09537-8>.
15. Floyd J. Political Philosophy's Methodological Moment and the Rise of Public Political Philosophy. *Society*. 2022;(59):129-139. <https://doi.org/10.1007/s12115-022-00710-2>.
16. Kestler T. The Motivational Power of Ideas in Institutions and Collective Action. *Human Studies*. 2023;(46):59-78. <https://doi.org/10.1007/s10746-023-09661-x>.
17. Mendus S. Contingency in Political Philosophy. *Philosophia*. 2017;(45):477-486. <https://doi.org/10.1007/s11406-016-9802-z>.
18. Simpson E. Practical Reasonableness: Some Epistemic Issues. *The Journal of Value Inquiry*. 2013;(47):135-145. <https://doi.org/10.1007/s10790-013-9367-z>.

Информация об авторе

В. А. Жилина — доктор философских наук, доцент, заведующая кафедрой философии.

Information about the author

V. A. Zhilina — Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Philosophy.

Статья поступила в редакцию 28.08.2023; одобрена после рецензирования 01.09.2023; принята к публикации 05.09.2023.

The article was submitted 28.08.2023; approved after reviewing 01.09.2023; accepted for publication 05.09.2023.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.